22
Р59

А. РОГОЗИНСКІЙ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
КІЕВСКАГО РЕАЛЬНАГО
УЧИЛИЩА.

ГЕОГРАФІЯ,
какъ научная дисциплина и какъ предметъ преподаванія въ школѣ.

ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХЪ
ПРЕПОДАВАНІЕ ГЕОГРАФІИ И
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

Кіевъ.
1907 года.

Кіевъ, тип. И. И. Чоколова, Фундуклеевская № 22.

09-2-1868

А. РОГОЗИНСКІЙ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
КІЕВСКАГО РЕАЛЬНАГО
УЧИЛИЩА.

ГЕОГРАФІЯ,
какъ научная дисциплина и какъ предметъ преподаванія въ школѣ.

ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХЪ
ПРЕПОДАВАНІЕ ГЕОГРАФІИ И
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

Кіевъ.
1907 года.

БИБЛІОТЕКА
Инв.№ 4403
НИИ Географии

Кіевъ, тип. И. П. Чоколова, Фундукл евская № 22

2

3Т
Р598

1 г
пф

им. ГОРЬКОГО
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У

8981-2-60

1966

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію читателей трудъ представляетъ собою вновь обработанный и значительно расширенный разсмотрѣніемъ новыхъ вопросовъ докладъ, читанный мною на секціи географіи третьяго Кіевскаго съѣзда преподавателей естественныхъ наукъ, 28-го декабря 1904 года.

Первоначальное заглавіе доклада было таково: „Задачи и цѣли преподавателя и преподаванія географіи". Докладъ этотъ прочитанъ былъ послѣ не вполнѣ законченнаго обмѣна мнѣній по поводу предыдущаго доклада г. Н. Н. Володкевича на тему: „О невозможности преподаванія географіи внѣ связи съ другими областями знанія". Пренія, вызванныя моимъ докладомъ, послуживъ какъ бы естественнымъ продолженіемъ преній предшествующихъ, выдвинули слѣдующіе принципіальнаго характера вопросы: имѣетъ-ли вообще свой предметъ географія? не есть-ли, такъ называемая, наука географія повтореніе всего того, что изучаютъ науки естественныя—физика и естественная исторія? не очевидно-ли, что изучившій естественныя науки тѣмъ самымъ познакомится и съ географіей и, наоборотъ, кто, поэтому, хочетъ познакомиться съ географіей, долженъ прежде изучить физику и естественную исторію? Далѣе. Если ужъ допустить существованіе въ школѣ такъ называемой науки географіи, то кому слѣдуетъ поручать преподаваніе ея—естественникамъ ли только, или и филологамъ? не есть-ли ошибка, что къ препо-

даванію географіи въ школѣ допускаются даже и учительницы, которыя, какъ извѣстно, незнакомы съ естественными науками въ той мѣрѣ, въ какой онѣ изучаются въ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ? Возбудивъ чрезвычайно живой и горячій обмѣнъ мнѣній, пренія эти однако не разрѣшили больныхъ вопросовъ близкаго всѣмъ дѣла и были отложены на секціонное засѣданіе слѣдующаго дня. На это же засѣданіе предполагался къ прочтенію и второй мой докладъ на тему: „Предметъ и границы географическаго наблюденія и познанія“. Но засѣданіе это не состоялось вслѣдствіе закрытія самаго съѣзда. Поднятые вопросы остались неразрѣшенными въ совмѣстной работѣ....

Съ тѣхъ поръ уже пошелъ третій годъ, обо всемъ этомъ всѣ какъ-то позабыли, хотя, несомнѣнно, эти вопросы все-таки даютъ себя чувствовать, потому что всѣ они носятъ характеръ принципіальный, основной, методологическій.

Развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, удовлетворительно преподавать географію, не зная точно ея предмета? А между тѣмъ далеко не для всѣхъ участниковъ съѣзда предметъ географіи остался выясненнымъ.

Развѣ возможно правильное развитіе у дѣтей чистаго географическаго, да и вообще естественно-научнаго мышленія, если исходныя точки зрѣнія этого мышленія и не дифференцированы и принципіально не обоснованы у самихъ учителей? А между тѣмъ на чемъ другомъ, какъ не на этой именно необоснованности, на отсутствіи этой именно дифференціаціи исходныхъ точекъ зрѣнія, лежащихъ въ основѣ разныхъ, хотя и однородныхъ научныхъ дисциплинъ, покоится, методологически не опровергнутое на съѣздѣ естественниковъ-учителей, утвержденіе, что между географіей и прочими естественно-научными дисциплинами реально не существуетъ границъ, что географія не имѣетъ самостоятельнаго объекта наблюденія и познанія, а потому и

географіи, какъ самостоятельной научной дисциплины, не существуетъ и существовать не можетъ, и, въ концѣ концовъ, ее поэтому съ удобствомъ можно замѣнить общепризнанными естественно-научными дисциплинами?

Невольно напрашивающійся отсюда и практическій и моральный выводъ будетъ тотъ, что далеко не всѣ дѣти нашей школы имѣютъ возможность дѣйствительно заниматься географіей на урокахъ, назначенныхъ для преподаванія этой послѣдней.

Все это вмѣстѣ взятое и побудило меня издать отдѣльной брошюрой означенные выше два мои доклада въ видѣ одной статьи съ послѣднимъ отвѣтомъ на больные вопросы, связанные съ географіей и какъ наукой и какъ предметомъ школьнаго преподаванія.

Я остановился, главнымъ образомъ, на принципіальномъ выясненіи методологической стороны вопроса, въ полномъ и совершенно опредѣленномъ убѣжденіи, что разрѣшеніе всякаго рода другихъ вопросовъ, связанныхъ съ географіей, какъ предметомъ преподаванія въ школѣ, является лишь простымъ логическимъ выводомъ изъ предварительно разработанной методологіи этого же предмета.

31 марта 1907 года.

А. Рогозинскій.

I.

Преподавательская дѣятельность учителя географіи естественно должна опредѣляться тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ школа и школьная наука въ курсѣ естественнаго развитія каждаго отдѣльнаго ученика, какъ отдѣльной личности, одаренной самостоятельными познавательными силами и способностями.

Уже въ силу одного того, что ученикъ, какъ человѣкъ, находится въ школѣ только нѣкоторое время своей жизни, между дѣтствомъ и зрѣлымъ возрастомъ, школа имѣетъ значеніе чего-то вводнаго, частичнаго, въ дѣлѣ умственнаго и моральнаго развитія ученика, какъ человѣка. Если нѣтъ школы, человѣкъ все-таки развивается въ познавательномъ отношеніи, предоставленный своему собственному опыту, естественнымъ силамъ и случайнымъ средствамъ; при этомъ будетъ играть большую, но опять таки частичную, роль окружающая его обстановка и общественная среда. Онъ получаетъ впечатлѣнія отъ міра и частью лично, частью при посредствѣ окружающей общественной среды толкуетъ и усваиваетъ ихъ, и достигаетъ, такимъ образомъ, извѣстнаго познанія о мірѣ.

Если же человѣкъ поступаетъ въ школу, то послѣдняя является болѣе методичной и умѣлой истолковательницей получаемыхъ имъ впечатлѣній, расширяющей сферу его личнаго наблюденія и указывающей часто то, чего самъ онъ не подмѣтилъ бы въ наблюдае-

момъ явленіи. Но школа, по существу своему, не можетъ дать ничего такого, чего бы не заключалось въ природѣ самого ученика, какъ человѣка. Школьная наука не есть нѣчто такое, помимо чего невозможно познаніе міра, а слѣдовательно и развитіе человѣка. Вѣчный и неисчерпаемый объектъ познанія есть не „наука“, а окружающая дѣйствительность, природа, міръ. Вѣчный и неизсякаемый источникъ познанія—опять таки не „наука“, а человѣческій умъ и его пытливая наблюдательность природы, опытъ. „Наука“ же есть лишь систематизированная сумма знаній опредѣленныхъ людей, пріобрѣвшихъ себѣ эти знанія путемъ личнаго, умѣлаго, тщательно дисциплинированнаго наблюденія извѣстнаго уголка окружающей дѣйствительности и такого же дисциплинированнаго истолкованія этихъ наблюденій. „Наука“ - это лишь знанія опытныхъ наблюдателей и мыслителей. „Наука“ не міръ, не природа, а лишь знаніе. Посему-то „наука“ для того, кто не участвовалъ въ ее созданіи, не есть *познаніе* природы, а лишь *средство* для этого познанія; средство довольно вѣрное и усовершенствованное, но лишь при условіи собственной наблюдательности и независимомъ истолкованіи наблюденій. Отсюда ясно видно, что безъ „науки“ будетъ только менѣе совершенное познаніе природы и, значитъ, недостаточное умственное развитіе человѣка, но вовсе не отсутствіе знаній и развитія.

Такимъ образомъ, сама школа не создаетъ знаній, а лишь прилагаетъ испытанные пути къ знанію и, тѣмъ самымъ, способствуетъ развитію знаній въ человѣкѣ. Школа создастъ лишь благопріятныя условія для возникновенія знаній. Сами же знанія зарождаются и создаются въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ естественнымъ путемъ по мѣрѣ его жизни и развитія и сопутствующаго этому опыта. Знанія возникаютъ извнутри самаго сенсуальнаго и интеллектуальнаго существа человѣка путемъ личнаго просвѣтлѣнія.

Отсюда ясны задачи и цѣли всякаго учителя, въ томъ числѣ, и учителя географіи. Къ нему поступаетъ ученикъ; это маленькій человѣкъ со своей природной способностью наблюденія и истолкованія наблюденій; со своимъ незначительнымъ, несовершеннымъ опытомъ; со своими незначительными, ничтожными до-школьными знаніями. Онъ поступаетъ не для изученія науки, преподаваемой учителемъ-спеціалистомъ, вопреки установившемуся у насъ убѣжденію, но для дальнѣйшаго расширенія сферы своего личнаго наблюденія и увеличенія своего собственнаго опыта, а чрезъ это и для дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія своихъ знаній въ той области, которая служитъ спеціальностью его учителя. Ученику нужны расширеніе и созданіе опыта, дисциплинировка наблюдательной и истолковательной дѣятельности его ума; знанія же являются сами собой, какъ естественный результатъ всего этого.

Задача преподавателя географіи будетъ состоять въ томъ, чтобы постоянно показывать ученику „естественную географію," т. е., *землю, въ цѣломъ ея существѣ, съ тѣми условіями, въ какія она поставлена въ мірозданіи, и въ проявленіяхъ ея жизни на мѣстахъ, какъ слѣдствіяхъ исторически сложившагося существованія и взаимодѣйствія тамъ отдѣльныхъ элементовъ ея существа, а также и міровыхъ условій.* Иначе говоря, учитель будетъ приближать ученика, какъ, существо, наблюдающее и вырабатывающее изъ своихъ лишь наблюденій свои знанія, къ тому объекту наблюденія и познанія, который былъ у него и до школы и останется у него таковымъ и послѣ школы.

Единственной же, постоянной и конечной цѣлью труда учителя географіи должно служить не исчерпываніе всего объекта наблюденія, что никогда не будетъ имъ достигнуто, потому что это недостижимо, а *развитіе географическаго мышленія*, которое состоитъ въ томъ, чтобы тѣ немногія по сравненію съ самимъ объектомъ

наблюденія, которыя уже состоялись и еще предстоятъ, были истолковываемы по ихъ дѣйствительному географическому существу; чтобы они были познаваемы, насколько это, конечно, доступно человѣку, такими, какими они есть въ дѣйствительности, какими они говорятъ сами за себя, а не какими они кажутся по первому впечатлѣнію *); чтобы всякій географическій элементъ, при наблюденіи его ученикомъ впослѣдствіи, могъ быть опознанъ, какъ таковой, въ объективно необходимой связи его съ прочими географическими элементами, а не какъ личное впечатлѣніе и душевное настроеніе наблюдающаго; чтобы, наконецъ, будучи такимъ именно опознанъ, онъ былъ понятъ какъ натуральное явленіе общей жизни земли и проявленіе ея именно природы.

II.

На землѣ ничего нѣтъ такого, что бы не было земнымъ. Даже космическая жизнь Вселенной намъ извѣстна не иначе, какъ въ показаніяхъ земли, точно такъ-же, какъ жизнь внѣшней природы намъ извѣстна не иначе, какъ въ показаніяхъ нашего собственнаго существа. Даже животворные солнечные лучи и свѣтъ проявляются и функціонируютъ на землѣ въ формѣ земныхъ явленій, въ земномъ, такъ сказать, ихъ обнаруженіи. *Географическое мышленіе и будетъ то, которое не иначе все понимаетъ какъ земнымъ и стремится лишь уловить и постигнуть земную индивидуальность всего существующаго и совершающагося въ предѣлахъ земли.*

---

*) Подъ „наблюденіями“, въ данномъ случаѣ, мы разумѣемъ, конечно, только объектъ наблюденія, а не само наблюденіе, какъ психическій актъ и какъ психологическое понятіе.

Съ другой стороны, на землѣ ничего нѣтъ такого, что бы не сложилось на ней исторически. Все имѣетъ свою исторію, какъ бы оно ничтожно и, по видимому, случайно ни было; вслѣдствіе этого, все представляетъ собой не что иное, какъ послѣдній, заключительный, моментъ своей предшествующей исторіи. Отсюда, изучить явленіе въ его объективной дѣйствительности- -это значитъ, выяснить его историческое прошлое и понять его теперешнее состояніе, какъ неотвратимое наслѣдіе его исторіи, а также, и тѣхъ послѣднихъ, конечныхъ, условій, въ какія его поставила, въ наблюдаемое время, его же исторія. Это послѣднее обстоятельство существенно важно для дѣла еще и потому, что природа явленія обнаруживается также и въ производимыхъ имъ дѣйствіяхъ въ окружающей его средѣ; а эти дѣйствія наблюдаемаго явленія представляютъ собою не только результатъ уже исторически сложившейся природы явленія, но и той среды, съ которой оно, такъ или иначе, связано. Другими словами, всякое географическое явленіе, чтобы быть понятымъ, должно быть наблюдаемо нами и *исторически* и *ойкологически*. Исторически, т. е., слѣдя жизнь явленія, съ момента его возникновенія (насколько это конечно намъ доступно) до того момента, когда оно, какъ отдѣльная единица, начинаетъ составлять съ другими явленіями извѣстную среду явленій. Ойкологически, т. е. слѣдя, за всѣми тѣми измѣненіями, которыя совершаются въ самомъ наблюдаемомъ явленіи отъ взаимодѣйствія его съ окружающей его средой; потомъ, слѣдя за всѣми тѣми измѣненіями, которыя происходятъ въ самой средѣ отъ проявленія и существованія въ ней этого явленія; и, наконецъ, слѣдя за возникновеніемъ новыхъ явленій въ наблюдаемой средѣ, какъ результатомъ жизни этой среды въ наблюдаемое время, при указываемыхъ нами условіяхъ *). Здѣсь опре-

*) Необходимо, впрочемъ, помнить, что одно явленіе, воздѣйствуя на другое, не само непосредственно производитъ въ немъ

дѣляется роль наблюдаемаго нами явленія въ возникновеніи новаго явленія въ окружающей его средѣ.

Выяснивши, такимъ образомъ, исторію наблюдаемаго явленія, мы дойдемъ только до послѣдняго момента существованія явленія; этотъ послѣдній, являясь завершеніемъ прошлаго, представляетъ собой само явленіе въ настоящемъ, наблюдаемомъ, его видѣ. Изъ такихъ то, сосуществующихъ въ данный моментъ и приходящихъ въ творческое взаимодѣйствіе, явленій и составляется географическая дѣйствительность. Изъ нея, т. е., изъ взаимодѣйствія складывающихъ ее опредѣленныхъ явленій, какъ отдѣльныхъ факторовъ, слагается новая, преемственно грядущая, дѣйствительность. Эта послѣдняя представляетъ собою, очевидно, не что иное, какъ метизацію всѣхъ явленій, слагающихъ предшествующую географическую дѣйствительность. Отсюда, *географическое мышленіе будетъ то, которое, наблюдая географическія явленія, разсматриваетъ ихъ исключительно историко-географически*, т. е., *въ связи со всѣмъ прошлымъ зем-*

разныя измѣненія; оно лишь создаетъ соотвѣтствующія условія для образованія перемѣнъ въ природѣ явленія, подвергаемаго воздѣйствію; сами же эти перемѣны происходятъ исключительно по тѣмъ законамъ и въ связи съ тѣми законами, воплощеніемъ которыхъ служитъ сама природа указаннаго явленія, но никакъ не иначе. Это существенно важно для міропониманія Въ чемъ-бы ни проявлялась, напримѣръ, наша дѣятельность въ окружающей насъ обстановкѣ (средѣ), тѣ измѣненія, какія происходятъ подъ нашимъ воздѣйствіемъ въ этой обстановкѣ, совершаются по естественно-историческимъ законамъ каждаго изъ явленій этой именно обстановки, какъ неотвратимое дѣйствіе этихъ именно законовъ. Наша же роль сводится лишь къ чисто внѣшней комбинировкѣ условій и сочетаній. Не химикъ производитъ анализъ; анализъ совершается самостоятельно, естественнымъ путемъ; химикъ лишь выдвигаетъ условія для происхожденія этого анализа. Не врачъ лѣчитъ болѣзни тѣла; онъ лишь создаетъ условія для устраненія болѣзни; излѣченіе же совершается естественнымъ путемъ. Вотъ почему, между прочимъ, врачъ не можетъ спасти тѣло отъ смерти, если она является естественнымъ финаломъ всего совершающагося въ данномъ тѣлѣ.

ли, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ойкологически, т. е., какъ непремѣнную, составную, взаимодѣйствующую, часть извѣстной географической среды, или ея метизацію. Географическое мышленіе, такимъ образомъ, разсматриваетъ землю, какъ наслѣдіе ея же собственной исторіи, и всѣ явленія, на ней совершающіяся теперь, какъ прямое продолженіе этой ея исторіи въ наблюдаемое время.

Мы знаемъ, что природа, какъ неорганическая, такъ и органическая, способна до безконечности, хотя и въ предѣлахъ опредѣленныхъ законовъ, коренящихся въ самомъ существѣ природы, видоизмѣняться и принимать тѣ или другія состоянія и формы, смотря по тому, въ какія условія и соотношенія она попадетъ въ лицѣ каждаго отдѣльнаго своего явленія. Изученіемъ всей этой возможности разныхъ состояній и формъ, *законосообразно вытекающихъ изъ основныхъ свойствъ вещества и существа природы*, занимается физика и всѣ родственныя ей науки, особенно химія, а также естественная исторія и науки, къ ней примыкающія. Науки же математическія представляютъ собою тотъ единственный языкъ, на которомъ могутъ выражать свои открытія и положенія указанныя науки, и то единственное орудіе, при помощи котораго умъ человѣческій можетъ уловить, изслѣдовать и познавать эту, и реальную и потенціальную, жизнь вещества природы *). *Географія же прослѣживаетъ и изучаетъ лишь тѣ явленія и процессы, которые обязаны своимъ происхожденіемъ и существованіемъ только исторически сложившейся творческой жизни самой земли, т. е. сосуществованія и взаимодѣйствія тѣхъ элементовъ Вселенной и условій, среди которыхъ сама земля исторически сложилась и существуетъ, какъ міровое тѣло.* Это — общая географія, т. е. *общая исторія и ойкологія земли. Съ другой сто-*

*) „Мы знаемъ только тогда хорошо явленіе, когда можемъ его выразить въ числахъ“. **Вильямъ Томсонъ.**

роны, географія наблюдаетъ и изучаетъ лишь тѣ явленія и процессы, которые являются результатомъ сосуществованія и взаимодѣйствія данныхъ, исторически сведенныхъ вмѣстѣ, элементовъ земли въ опредѣленной ея мѣстности, а также, и космическихъ условій, воздѣйствующихъ на эту мѣстность. Это — частная географія, т. е., частная исторія и ойкологія географическаго мѣста. География наблюдаетъ лишь творимое землей и творящееся въ сферѣ земли, т. е., указываетъ сперва отдаленныхъ, но общеосновныхъ, географическихъ родоначальниковъ извѣстнаго географическаго явленія, а потомъ—и непосредственныхъ факторовъ этого же явленія, но непремѣнно отмѣчая только исторически-географическую ихъ комбинировку и только географическую ихъ природу.

«Естеественная географія» это—послѣдній моментъ исторіи земли и дальнѣйшее прямое продолженіе этой исторіи.

III.

Физика и всѣ упомянутыя выше науки, по пути разрѣшенія своихъ вопросовъ, затрагиваютъ, и часто самостоятельно рѣшаютъ, и тѣ вопросы, которые составляютъ предметъ и задачу географіи. Это обстоятельство привело даже къ спору между учителями-естественниками и учителями-географами, поднятому первыми; они отрицаютъ необходимость создавать какую-то сомнительную, по ихъ мнѣнію, науку-географію и утверждаютъ, что кто изучитъ математическія и естественныя науки, тотъ, eo ipso, познакомится и съ географіей. Посему надо, думаютъ они, и въ школѣ замѣнить эту науку болѣе обстоятельнымъ изученіемъ наукъ естественно-математическихъ и результаты будутъ даже болѣе благопріятны *).

*) См. предисловіе.

И дѣйствительно, не новинка, что учителя-математики и естественники, преподающіе географію, занимаются на урокахъ этой послѣдней, сами того не замѣчая, вѣрнѣе вопросами физики и естественной исторіи, чѣмъ собственно географіей; и наоборотъ, учителя-филологи и историки на урокахъ географіи тяготятся физическимъ и естественно-историческимъ матеріаломъ географіи и, невольно обезличивая этотъ послѣдній, съѣзжаютъ на этнографическій, историческій, политическій, экономическій и номенклатурный матеріалъ географіи.

Но учителя-физики и естественники изъ-за своей спеціальности забываютъ, а многіе и просто таки не знаютъ, что географія *есть наука, наблюдающая и анализирующая жизнь земли, а не вещества вообще,* что, въ этомъ отношеніи, она -наука болѣе конкретная и болѣе узкая, чѣмъ это они воображаютъ. Никакихъ здѣсь опытовъ и экспериментовъ производить нельзя, а единственно, что можно дѣлать, такъ это поджидать, что дастъ и даетъ сама земля. Многіе, если не всѣ, на урокахъ, напримѣръ, „о временахъ года", читаютъ цѣлыя лекціи изъ космографіи и астрономіи, обставляя объясненія математическими выкладками, схематическими рисунками и чертежами и, наконецъ, показывая ничего не дающую, кромѣ развлеченія для дѣтей, машинку съ часовымъ механизмомъ „Теллуріи"; но ни одинъ или почти ни одинъ, иначе это попало бы и въ учебники, не укажетъ дѣтямъ, что, для пониманія временъ года, надо наблюдать восходъ и заходъ солнца, надо умѣть наблюдать его движеніе надъ той мѣстностью, на которой происходитъ смѣна этихъ временъ года, и умѣть слѣдить за тѣми перемѣнами и въ освѣщеніи, и въ согрѣваніи, и во всей вообще жизни, которыя происходятъ въ этой мѣстности въ связи съ передвиженіями солнца.

А учителя-филологи и историки должны помнить, что географія, какъ мы уже показали, есть наука исключительно наблюдающая и анализирующая, а не описы-

вающая и перечисляющая, вопреки ея устарѣлому греческому наименованію. Задача и цѣль этой науки -познакомиться послѣдовательно со всѣми, а ни чуть не съ достопримѣчательными только, какъ думаютъ и авторы нашихъ учебниковъ географіи, уголками земли и уловить индивидуально—видовую „географію мѣста"; но уловить не въ смыслѣ подведенія и подтасовки подъ ранѣе пріобрѣтенные и ставшіе учеными шаблонами положенія и формулировки, какого бы достоинства они ни были *), а путемъ самостоятельнаго и независимаго изслѣдованія и изученія мѣста, исходя извнутри индивидуально-видовой географической природы наблюдаемаго мѣста, узнать, не скрывается-ли въ немъ какая либо новая особенность жизни земли, въ силу чего и почему оно, это мѣсто, таково, а не иное. Каждое такое наблюденіе и изученіе должно приносить новый, хотя бы и самый незначительный, вкладъ въ познаніе жизни земли и сокровенныхъ тайнъ ея существования и ея творчества. Историки и филологи, взявшіеся за преподаваніе географіи, должны помнить, что географія есть наука естественная и вполнѣ самостоятельная, а не какая то добавочная научная дисциплина къ наукамъ историко-филологическимъ.

Такимъ образомъ, географія не есть нѣчто сборное изъ позаимствованныхъ у разныхъ наукъ ихъ открытій, выводовъ и положеній; это извѣстная научная дисциплина, имѣющая свой собственный предметъ наблюденія и свои собственныя точки зрѣнія для такового наблюденія. Если же и кажется, что она позаимствовала матеріалъ для себя изъ указанныхъ выше наукъ, то это кажется лишь на первый взглядъ; на самомъ же дѣлѣ, всѣ прочія науки, естественныя и физико-мате-

---

*) Напр., совершенно ложный въ географіи научный шаблонъ, что день и ночь и времена года происходятъ отъ одной и той же причины, отъ движенія земли вокругъ себя и солнца.

математическія, сами находятся въ ея области и въ сферѣ ея предмета, заимствуя для себя оттуда матеріалъ для наблюденій и изысканій, но уже со своихъ точекъ зрѣнія *). Всѣ умы, создавшіе физико-математическія и естественныя науки, начали съ наблюденія и анализа уже даннаго и готоваго вида и состоянія вещества, т. е., начали съ наблюденій чисто географическихъ, и потомъ уже, абстрагируя, мало по малу дифференцировали свои собственныя точки зрѣнія, каждый для себя. Въ связи съ этимъ совершалась и дифференцировка географіи и отграниченіе ея собственнаго предмета. Прочія естественныя науки сосредоточились на выясненіи *обще-основныхъ причинъ, какъ законовъ, возникновенія явленій независимо отъ тѣхъ или иныхъ поводовъ;* географія стала заниматься исключительно выясненіемъ *послѣднихъ мѣстныхъ поводовъ, приведшихъ къ возникновенію того или другого географическаго явленія,* предполагая *законы самого возникновенія этихъ явленій* общеизвѣстными. Но, въ сущности то дѣла, всѣ науки, и физико-математическія, и естественно-историческія, и сама географія, представляютъ собой не что иное, какъ только научно обоснованную философію „естественной географіи“: вѣдь все то, что даютъ намъ эти науки, есть въ сущности *географическое,* поскольку сами онѣ представляютъ собою заключенія на основаніи наблюденій земли и земного, и поскольку носители и творцы ихъ находятся въ сферѣ планеты земли.

Вотъ эти-то всѣ, вмѣстѣ взятыя, обстоятельства и создали иллюзію, будто никакой географіи, какъ научной дисциплины, не существуетъ; и эта иллюзія получается у всѣхъ тѣхъ, у кого занятіе географіей шло такъ, что не развило чистаго географическаго мышленія, равно какъ и занятіе прочими науками не способствовало раз-

*) Безусловно не одно и то же понять, напримѣръ, отчего происходитъ „снѣгъ вообще“, и установить, отчего „снѣгъ падаетъ въ данное время въ данной мѣстности“.

БИБЛІОТЕКА 2 (Инв.№ 4403

витію чистаго дифференцированнаго мышленія въ области, изучаемой каждой изъ этихъ наукъ.

IV.

Итакъ, чистое географическое мышленіе будетъ то, которое изъ всѣхъ явленій, совершающихся на землѣ, выдѣляетъ лишь тѣ, которыя являются видомъ жизни самой земли, и въ каждомъ такомъ явленіи видитъ послѣдній результатъ земного существованія и взаимодѣйствія мѣстныхъ элементовъ, *какъ поводовъ* къ возникновенію этого явленія. Отсюда, дѣло не въ томъ, чтобы ученикъ зналъ побольше географическаго научнаго матеріала, а въ томъ, чтобы умъ ученика могъ бы всегда точно установлять объектъ географическаго наблюденія и такого же его изученія. Такая же выправка естественныхъ наблюдательныхъ и познавательныхъ способностей ученика, какъ человѣка, достигается путемъ правильно и точно производимыхъ, по указаніямъ учителя географіи, наблюденій учеником, „естественной географіи“ и устанавливанія точекъ зрѣнія для географическаго истолкованія наблюденныхъ явленій. Географическое мышленіе, напримѣръ, если говоритъ намъ о водѣ „вообще“, то, во всякомъ случаѣ, не въ обыденномъ, такъ сказать, кухонномъ о ней представленіи, а также и не въ физико-химическомъ, -какой она понимается и препарируется въ кабинетѣ химика и физика, а, какъ о „суммировкѣ“ видовъ географической воды. Вода географически не вездѣ одна и та же, но, смотря по тому, въ какомъ мѣстѣ земли она существуетъ и въ связи съ чѣмъ и какъ тамъ проявляется, вода на землѣ въ видовомъ отношеніи разная, составляя одно цѣлое съ опредѣленнымъ географическимъ мѣстомъ. То же самое подсказываетъ намъ географическое мышленіе и о воздухѣ земли. Если и можно говорить въ географіи о „вообще- воздухѣ“, то, опять таки, какъ о „суммировкѣ“ видовъ географическаго воздуха, но никакъ не въ общепринятомъ обычномъ пониманіи, или же въ такомъ,

научно-философскомъ, въ какомъ его разумѣютъ только физики и химики. Разныя мѣста земного шара, въ связи съ своей исторіей и ойкологіей, имѣютъ свой, присущій имъ, воздухъ, какъ одно съ ними цѣлое. Такой то собственно воздухъ и подлежитъ наблюденію и объясненію въ географіи. Онъ, такъ же какъ и вода, составляетъ съ опредѣленнымъ географическимъ мѣстомъ одно цѣлое и своеобразное, въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ какія его поставила предшествующая исторія. Точно такую же точку зрѣнія устанавливаетъ географическое мышленіе и на ту, твердую, часть земли, на которой мы обитаемъ, и которая зовется, въ обыденномъ пониманіи „землей". Она—тоже не вездѣ одинакова и она тоже вездѣ разновидна. Другими словами, въ каждомъ отдѣльномъ уголкѣ земнаго шара она такова, какова исторія и ойкологія этого уголка земли. Въ связи съ этимъ, и слѣдствія существованія и взаимодѣйствія этихъ трехъ большихъ составныхъ частей земли твердой, жидкой и газообразной —не вездѣ, и даже не всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ, одинаковы, вслѣдствіе чего и географическая жизнь на землѣ такъ разнообразна, такъ полна тайнъ своего возникновенія и развитія, а для человѣка неизсякаемаго интереса.

Далѣе. Извѣстно, что въ основѣ всякаго состоянія вещества скрывается „движеніе". Оно, какъ принципъ научнаго мышленія, служитъ исходной точкой зрѣнія всѣхъ естественныхъ наукъ; но реально, т. е., какъ объективно установленное научнымъ мышленіемъ состояніе вещества, создающее въ результатѣ безчисленные формы и виды проявленій этого вещества, „вообще движеніе" не существуетъ, а есть, въ каждомъ данномъ отдѣльномъ случаѣ, опредѣленное, „индивидуально видовое движеніе". Потому то физика изучаетъ одни движенія, химія другія и т. д. Географическое мышленіе, ограничивая кругъ своихъ наблюденій и изслѣдованій исключительно географическими явленіями и прослѣживая въ нихъ исключительно гео-

графическую сторону ихъ бытія и проявленія, отмѣчаетъ, что обусловливающей причиной существованія и проявленія всякаго географическаго элемента и явленія служитъ географическое движеніе. Каково-же, по существу своему, это движеніе.?

Установлено, что земля представляетъ собою въ настоящее время не то, чѣмъ она была въ минувшія времена своего существованія.Это произошло вслѣдствіе непрерывно совершавшихся и совершающихся измѣненій въ перегруппировкѣ элементовъ земного вещества; а это, въ свою очередь, приводило и проводитъ къ разнообразнымъ сосуществованіямъ и возникновенію соотвѣтствующихъ взаимоотношеній на землѣ. Въ силу этого, ни одно географическое явленіе не похоже одно на другое; ни одинъ день на землѣ не похожъ на другой; ни одно время года не похоже на соотвѣтствующее время другого года; ни одинъ морфологическій видъ земной поверхности, ни одинъ ландшафтъ, ни одно сочетаніе условій, не похожи сами на себя въ слѣдующіе другъ за другомъ моменты ихъ существованія. Эти отличія, измѣненія и перегруппировки часто весьма мелки, ничтожны и не всегда даже для опытнаго наблюдающаго глаза замѣтны; но все же отличія и измѣненія эти реально существуютъ, значитъ, и производятъ свои реальныя, дѣйствія; другія же—только потому, и замѣтны, что болѣе крупны и что производятъ дѣйствія, болѣе рѣшительныя. Вотъ эти-то передвиженія географическихъ элементовъ и измѣненія условій существованія, приводящія къ возникновенію самыхъ разнообразныхъ формъ земли и географическихъ явленій, и есть географическое движеніе; такимъ образомъ, оно есть исключительно движеніе *исторически-топографическое*, создающее *поводы* для возникновенія явленій. Оно складывается, несомнѣнно, изъ движеній основныхъ, совершающихся въ веществѣ, зависящихъ отъ основныхъ свойствъ вещества. Географическое мышленіе этими послѣдними не занимается, такъ какъ это составляетъ предметъ изученія физико-математическихъ и прочихъ

естественныхъ наукъ; но оно непремѣнно ихъ предполагаетъ и на нихъ опирается. Географическое мышленіе прослѣживаетъ лишь движенія завершительныя, приводящія къ сосуществованію и формирующему взаимодѣйствію географическихъ элементовъ; а это все, по существу, суть движенія чисто внѣшнія, морфологическія. Горообразующіе процессы, вулканизмъ, нептунизмъ, вывѣтриваніе, размываніе, эрозія, метеоролого-географическія явленія и т. п. движенія и есть движенія географическія.

Поэтому-то географическое мышленіе не разсматриваетъ ни одинъ географическій элементъ, ни одно географическое мѣсто и ни одно явленіе на немъ, какъ нѣчто постоянное и незыблемое. Все *географическое* представляетъ собою остатокъ отъ прошлаго процесса или явленія и видоизмѣненія (метизацію) этого остатка отъ тѣхъ условій сосуществованія, въ какихъ онъ находится въ наблюдаемое время. Поэтому-то всякое географическое явленіе или процессъ, надо познавать при свѣтѣ ихъ прошлаго; это тѣмъ болѣе еще необходимо, что географическіе элементы и явленія есть нѣчто болѣе длительное, чѣмъ жизнь, наблюдающаго ихъ, человѣка. Отсюда *генезисъ* и *эволюціонизмъ* въ географической морфологіи должны служить исходной точкой зрѣнія географическаго мышленія.

Но эта генетическая точка зрѣнія должна быть направлена на выясненіе географической исторіи мѣста, а вовсе не на генезисъ только отдѣльно взятаго какого нибудь географическаго элемента, какъ напримѣръ, установленіе того лишь факта, что пески и глины есть разрушенныя въ разной степени болѣе твердыя породы, что известковые пласты образовались изъ массовыхъ отложеній морскихъ раковинъ и т. п. Точно, также, не могутъ имѣть особенно серьезнаго значенія развивающіяся изъ такой постановки вопроса и апріорно-раціоналистическія сужденія объ образованіи разныхъ географическихъ ландшафтовъ; дѣло, въ концѣ концовъ, мо-

жетъ свестись къ представленію, что разныя пустыни, напримѣръ, имѣли одинаковую исторію и происхожденіе, и другія однородныя другъ другу мѣстности –тоже. А между тѣмъ, каждый уголокъ земли имѣлъ свою собственную исторію, въ связи съ чѣмъ, и въ настоящее время каждый изъ нихъ представляетъ остатокъ отъ своего именно прошлаго и результатъ своихъ именно условій существованія. Генетическая точка зрѣнія должна, такимъ образомъ, вести къ конкретности и, такъ сказать, къ позитивизму географическаго знанія, а не къ апріорно-раціоналистической схематичности послѣдняго. Конечно, вывѣтриваніе всюду будетъ вывѣтриваніемъ, а размываніе всюду будетъ размываніемъ, но въ данной мѣстности, которая есть результатъ своего именно прошлаго и опредѣленнаго состава и сосуществованія элементовъ и условій, будетъ такое именно, а не иное, вывѣтриваніе или размываніе, а въ другомъ мѣстѣ другое, свое. Итакъ, генетическая точка зрѣнія географическаго мышленія должна быть ничѣмъ инымъ, какъ топографической исторіей, а не просто лишь раціоналистическимъ разсужденіемъ на тему, о возможномъ генезисѣ даннаго элемента или мѣста.

V.

Переходя къ біогеографіи, крайне важно установить, главнымъ образомъ, ту точку зрѣнія, съ какой географическое мышленіе изучаетъ растительный и животный міръ земли. Оно изучаетъ, конечно, условія географическаго существованія, географическаго развитія и географическаго распространенія (колонизація) представителей растительнаго и животнаго міра опредѣленнаго географическаго мѣста, но оно изучаетъ, исключительно, съ динамо-топографической точки зрѣнія, какъ часть исторически-географической жизни этого же мѣста. Здѣсь центръ тяжести лежитъ не въ томъ, гдѣ какія растенія растутъ и животныя обитаютъ, а

въ *географическихъ мѣстахъ*, имѣющихъ свої, присущіи имъ въ наблюдаемый моментъ, растительный и животный міръ и въ *историко-географическихъ причинахъ и условіяхъ образованія здѣсь такого именно, а не другого растительнаго и животнаго міра, какъ ботанической и зоологической среды*, и наконецъ, *въ самой жизни мѣста подъ вліяніемъ той и другой среды*. Здѣсь имѣется въ виду не растительный и животный міръ, взятый самъ по себѣ, что составляетъ предметъ другихъ наукъ, но именно фитографическая, зоографическая и этнографическая жизнь самаго мѣста, исторія развитія этої жизни до послѣдняго момента. Важно, повторяемъ, не то, гдѣ какія растенія, животныя и люди живутъ, а то, какъ именно и почему сложился здѣсь, находящійся въ данное время, растительный и животный міръ и въ какихъ условіяхъ *географическихъ* протекаетъ его жизнь; какої отъ этого получается, въ конечномъ результатѣ, опредѣленный географическій ландшафтъ и какая растительная и животная среда. При рѣшеніи этої, чисто географическої, задачи необходимо стоять исключительно на почвѣ наблюденія исторически-географическої жизни даннаго географическаго мѣста и на исторіи его именно растительнаго и животнаго міра въ цѣломъ и въ частяхъ.

Съ выводами и положеніями наукъ естественныхъ, особенно съ ихъ методомъ изслѣдованія, наблюдателю непремѣнно надо быть знакомымъ, потому что отъ этого зависитъ качество наблюденія и истолкованія, но существенно важно при этомъ удержаться исключительно на своей, географическої, точкѣ зрѣнія и не съѣхать на точку зрѣнія какої либо другої естественно-историческої науки, дабы не уклониться отъ своего собственнаго объекта наблюденія и не получить, такимъ образомъ, одно знаніе вмѣсто другого. Мы, какъ географы-наблюдатели, не знаемъ „вообще-растенія“, но мы знаемъ данное, исторически сложившееся, растеніе наблюдаемої мѣстности и должны безъ всякихъ, апріі-

орно-предрѣшающихъ, формулировокъ слѣдить только съ какими условіями данной мѣстности приходится считаться этому растенію въ дальнѣйшей своей жизни. Въ результатѣ, слѣдя какъ географическія условія мѣста отражаются на жизни и дальнѣйшей исторіи его растеній, мы познакомимся не столько съ природой растенія, сколько съ природой географическаго мѣста въ ботаническомъ отношеніи. Здѣсь важно установленіе единичнаго географическаго факта: достиженіе конкретнаго знанія о жизни растенія даннаго мѣста, какъ особенности этого же мѣста въ ботаническомъ отношеніи, и вообще о ботанической жизни этого мѣста. Не изъ ботаники и ея „географіи растеній“ долженъ получать научный матеріалъ географъ-наблюдатель, а изъ собственнаго, разумѣется, вооруженнаго научными знаніями, наблюденія ботанической исторіи и жизни даннаго мѣста.

Итакъ, *ботаническое* изслѣдованіе жизни растеній имѣетъ въ виду изученіе свойствъ организаціи растеній и отсюда, главнымъ образомъ, проистекающія условія ихъ жизни и развитія; а *географическое* изучаетъ *само мѣсто, какъ исторически сложившуюся и въ наблюдаемое время проявляющуюся растительную среду.* Сама эта, растительная, среда представляетъ изъ себя, въ данномъ случаѣ, особое отдѣльное географическое мѣсто. Это то и означаетъ, что географъ-наблюдатель тѣсно связанъ съ мѣстностью наблюденія; его наблюденія и выводы болѣе узки по объему, но болѣе широки по содержанію, чѣмъ въ ботаникѣ; они же болѣе конкретны, чѣмъ въ ботаникѣ и менѣе схематичны. Ботаника мѣстами разрабатываетъ чисто географическій матеріалъ и облегчаетъ трудъ географіи; географія же своими, узкими по объему, но широкими по содержанію, хотя бы и чисто внѣшними описаніями, расширяетъ горизонты ботаники.

То же самое надо имѣть въ виду и въ отношеніи географическаго изученія животнаго міра. „Вообще—животнаго“ географы -наблюдатели не знаютъ; это для

нихъ только общее понятіе, индуктивно установленное въ зоологіи. Для нихъ существуетъ опредѣленная, исторически сложившаяся, зоологическая жизнь данной мѣстности, сложившаяся отъ историческаго взаимодѣйствія мѣста и его животнаго міра. Имъ важно знать исторію образованія и сформированіе зоологической жизни географическаго мѣста, чтобы отсюда понять характеръ и вообще особенности зоологической среды въ данномъ мѣстѣ въ наблюдаемое время. Та или другая животная среда представляетъ собою, строго говоря, географическое мѣсто. (Верблюдовъ нѣтъ въ предѣлахъ полярнаго круга, точно такъ же, какъ нѣтъ полярныхъ медвѣдей въ въ предѣлахъ тропиковъ. Все это географическія явленія, которыя могутъ быть объяснены единственно историко-географически. Ясно, что географія животнаго міра не есть зоологія. Послѣднюю интересуютъ общія условія жизни тѣхъ или другихъ животныхъ, опредѣляемыя организаціей самаго существа этихъ животныхъ. Данныя о явленіяхъ открытыхъ зоологіей, географы обязательно должны знать, но лишь для того, чтобы принимать ихъ во вниманіе, при наблюденіи и изученіи зоологической жизни того или другого географическаго мѣста, или, что то же, зоологической среды, и этимъ корректировать свои выводы. Несомнѣнно, дѣйствительная жизнь животныхъ это исторически сложившаяся географическая жизнь каждаго животнаго или однородной группы ихъ въ данной мѣстности земли. Пчелы, напримѣръ, въ силу основной организаціи ихъ существа, какъ животныя, какъ насѣкомыя, наконецъ, какъ пчелы, живутъ вездѣ на землѣ одинаковой зоологической жизнью жизнью животныхъ, насѣкомыхъ, пчелъ; но пчелы разныхъ мѣстъ земного шара, да въ добавокъ имѣющія, какъ и все, свою собственную, мѣстную, исторію, живутъ самой разнообразной, сколько зоологической, столько-же и географической жизнью. Не земныхъ животныхъ естественникъ-зоологъ не знаетъ, но естественникъ-географъ, вдобавокъ, еще

не знаетъ и такихъ животныхъ, которыя не были бы представителями своей географической родины и носителями и выразителями особенностей того мѣста, гдѣ они сложились и выросли. Для географа то или другое животное есть нѣчто большее, чѣмъ представитель того или другого типа животныхъ; для него это и представитель опредѣленнаго географическаго мѣста земнаго шара. Для меня—географа, всякое животное, напр., верблюдъ, говоритъ прежде всего о своей географической родинѣ, а потомъ уже и о прочемъ другомъ, зоологическомъ. Это-то, первое, и должно служить предметомъ географическаго наблюденія и изслѣдованія. Но все же это будетъ пока только одна сторона вопроса. Не надо забывать, что географія изучаетъ мѣсто; и, значитъ, конечной цѣлью географическаго познанія, въ данномъ случаѣ, будетъ наблюденіе тѣхъ измѣненій, которыя взаимно испытываетъ и данное мѣсто отъ жизни и дѣятельности животнаго міра, исторически связаннаго съ этимъ мѣстомъ. Это и будетъ то, что называется *зоологической жизнью даннаго географическаго мѣста* и что составляетъ предметъ, исключительно, географической науки. Что же касается тѣхъ географическихъ свѣдѣній, которыя сводятся къ указанію, гдѣ какія растенія и животныя растутъ и обитаютъ, т. е. географіи растеній и животныхъ, то здѣсь каждое такое, и растительное и животное, сообщество надо разсматривать несомнѣнно въ связи съ непосредственнымъ историческимъ прошлымъ какъ самаго мѣста, такъ и того или другого рода и вида растеній и животныхъ. Говоря другими словами, каждое растительное и животное сообщество данной мѣстности надо разсматривать не только, какъ географическій ландшафтъ, но и какъ, современный намъ, живой остатокъ отъ непосредственно предыдущей жизни мѣста и предшествующаго сообщества растеній и животныхъ.

VI.

Но что особенно необходимо при географическомъ, такъ же какъ и при всякомъ другомъ научномъ, наблюденіи, такъ это отрѣшеніе географическаго мышленія отъ такъ называемой „цѣлесообразности“ въ истолкованіи наблюденій; или, вѣрнѣе сказать, необходимо точное установленіе естественныхъ границъ въ причинной послѣдовательности и зависимости явленія, потому что, иначе, невозможно достиженіе чистаго знанія объективно-реальной жизни міра, насколько это, конечно, доступно человѣку. Лучше, по нашему мнѣнію, оставлять вопросы совсѣмъ открытыми, чѣмъ давать антропоморфическія, несоотвѣтствующія объективно-реальной дѣйствительности, объясненія.

Всякое явленіе возникаетъ и существуетъ не „для чего-то“, а „вслѣдствіе чего-то“. Вотъ на открытіе этого послѣдняго, этого формирующаго „чего-то“ и должно быть направлено географическое научное мышленіе. Къ каждому, вообще, явленію, въ томъ числѣ и къ географическому, для выясненія природы и самостоятельнаго, никому не служебнаго, его значенія, надо подходить отъ суммы факторовъ, произведшихъ или производящихъ это явленіе; а затѣмъ и отъ всей суммы уже имъ самимъ производимыхъ дѣйствій, и притомъ, исключительно дѣйствій тѣхъ, которыя являются слѣдствіемъ его организаціи. Напр., дѣйствія, производимыя моей рукой, должны быть объясняемы и понимаемы изъ моего анатомическаго строенія и развитія, а не въ смыслѣ служебномъ для моего тѣла и существа. Географическое мышленіе должно, само собою разумѣется, отмѣчать и изучать лишь факторы и дѣйствія географическія, а остальные принимать лишь къ свѣдѣнію. Всѣ же изученія какого либо явленія съ точки зрѣнія его воздѣйствій на окружающую среду и сообщество будутъ относиться, строго говоря, уже не къ выясненію самостоятельной природы самаго этого явленія,

а къ опредѣленію его лишь служебнаго значенія, какъ фактора участвующаго въ созданіи другихъ явленій. Въ „Происхожденіи животнаго міра“, Вильгельма Гааке *) мы встрѣчаемъ, напр., такое замѣчаніе: „глазъ степного животнаго не великъ, но очень дальнозоркъ. Особенно отличаются этимъ степныя антилопы и, возможно, что ихъ рога, хотя и весьма различной формы, но очень характерные, служатъ для того, чтобы антилопы могли узнавать другихъ антилопъ на большомъ разстояніи“. Здѣсь „характерная форма роговъ антилопъ“ совершенно не объяснена, потому что совершенно не указано, въ силу какихъ внутреннихъ или внѣшнихъ формирующихъ процессовъ получилась такая особенность роговъ антилопъ, но за то указанному факту дано не соотвѣтствующее объясненіе, потому что вся сила здѣсь не въ рогахъ тѣхъ антилопъ, которыя ими обладаютъ, а въ наблюдательности и умѣніи обращать въ свою пользу элементы окружающей среды у тѣхъ антилопъ, которыя „могутъ узнавать своихъ сородичей на большихъ разстояніяхъ“. Постановки рѣшенія вопросовъ, подобной у Гааке, должно избѣгать географическое мышленіе. Объективная цѣлесообразность существованія самаго явленія и, производимыхъ имъ, дѣйствій заключается не внѣ его и не внѣ ихъ, не во внѣшней ему и имъ средѣ, а равно, не въ полезности, безразличіи или вредности его и ихъ „для кого-то“ или „для чего-то“, а въ томъ, насколько, въ какой мѣрѣ, форма его проявленія и, производимыя имъ, дѣйствія есть прямой результатъ функціонированія слагающихъ и образующихъ его факторовъ. Все изслѣдованіе, чтобы быть научнымъ, т. е., объективно соотвѣтствующимъ реальной дѣйствительности, должно сводиться къ строго логическому, объективному констатированію фактовъ. Всѣ, напримѣръ, элементы и функціи ихъ, изъ которыхъ скла-

*) Изд. Товарищества „Просвѣщеніе“, Спб., 1903 г., стр. 183.

дывается въ конечномъ результатѣ все мое существо, происходятъ и существуютъ не для того, чтобы получилось мое существо, или чтобы оно получилось такимъ или инымъ, а происходятъ и существуютъ независимо отъ этого, какъ реальное слѣдствіе, реально же существовавшихъ ранѣе, соотвѣтствующихъ сочетаній и явленій; и они, вышеуказанные элементы и функціи, цѣлесообразны не потому, что въ конечномъ результатѣ получилось и проявляется мое существо, а потому, что каждый элементъ и каждая функція есть прямое реальное выраженіе своихъ слагающихъ и формирующихъ факторовъ. Въ этомъ-то именно, въ этой матеріальной логической послѣдовательности, и заключается цѣлесообразность и разумность природы. Такимъ образомъ, всѣ дѣйствія и движенія калѣки или урода, какъ бы они не были неправильны съ общепринятой точки зрѣнія, въ смыслѣ интересовъ самого калѣки или урода, тѣмъ не менѣе цѣлесообразны и логичны, поскольку служатъ выраженіемъ и отраженіемъ общей организаціи калѣки или урода. Но чтобы это не казалось столь парадоксальнымъ и чтобы правильно улавливать и познавать эту цѣлесообразность природы, необходимо умѣть видѣть природу.

Въ природѣ ничего нѣтъ такого, о чемъ можно было бы говорить: „представьте себѣ иное стеченіе обстоятельствъ и ничего подобнаго бы не было“; потому что все въ природѣ существуетъ и складывается именно изъ того, что уже сложилось реальнымъ порядкомъ вещей и сочетаній. Въ природѣ, которая представляетъ собой только реальную, т. е. въ данный моментъ существующую, жизнь, нѣтъ случайностей. „Случайность“- это человѣческое понятіе, принятое людьми, какъ объясненіе такихъ, неожиданно для нихъ возникшихъ явленій, складывающіе и формирующіе факторы которыхъ, не уловлены тѣми же людьми, какъ наблюдателями. Все существуетъ только потому, что сложилось изъ существовавшаго ранѣе распорядка вещей и, такъ именно,

а не иначе, сложившись, продолжаетъ уже существовать и развиваться въ сосуществующей ему средѣ. Потому-то всякое явленіе существуетъ и является не „для чего-то“ или „для кого-то“, а вслѣдствіе „чего-то“ и при томъ „чего-то“ своего именно, реально уже существовавшаго ранѣе. Разумность и цѣлесообразность природы заключается въ этой именно строгой, необходимой, матеріально-вещественной логичности. Правда, эта разумность и цѣлесообразность нѣсколько непохожа на человѣчески понимаемую разумность и цѣлесообразность. и нѣсколько претитъ намъ, но это потому, что существо природы первоначальнѣе, больше и сложнѣе человѣка, этого частичнаго видового проявленія существа этой же природы; и процессы самого существа природы, результатомъ которыхъ является, въ числѣ всего прочаго, и самъ человѣкъ, суть процессы основные и первоначальные, а потому и самостоятельные и самодовлѣющіе. Вслѣдствіе этихъ то процессовъ, мы, напримѣръ, ѣдимъ не для того, чтобы жить, а потому именно и ѣдимъ, что живемъ; такъ какъ внутри нашего организма происходятъ такіе процессы образующаго насъ вещества природы, въ силу которыхъ мы не можемъ не хотѣть ѣсть. Необходимость и цѣлесообразность ѣды или не ѣды, съ этой стороны дѣла, заключается, такимъ образомъ, не въ поддержаніи моего существованія, а въ томъ, что она закономѣрно (цѣлесообразно) вытекаетъ изъ процессовъ, совершающихся внутри моего, въ данный моментъ живого, организма. Но эта, какъ мы уже отмѣтили, стихійная, вещественная, логическая цѣлесообразность существуетъ не „для меня“, какъ индивидуальнаго человѣческаго существа, а тѣмъ болѣе личности, а только лишь „у меня“, какъ у частичнаго видового проявленія вещества природы, какъ у живого организма. Все сказанное приложимо ко всякому явленію вообще, какъ въ мірѣ организованномъ, такъ и неорганизованномъ. Здѣсь, однако, надо

замѣтить, что съ того момента, когда извѣстное явленіе съорганизовывается, или уже съорганизуется, въ нѣчто законченное цѣлое, для существованія и развитія такого явленія основные и первоначальные процессы природы не всегда могутъ быть полезны, т. е., основные и первоначальные процессы продолжаютъ дѣйствовать въ своемъ направленіи, а явленіе, о которомъ мы говоримъ, какъ нѣчто замкнутое уже цѣлое и представляющее собой организацію только части этихъ основныхъ и первоначальныхъ процессовъ, можетъ проявлять свою энергію въ своемъ, такъ сказать, личномъ, направленіи; возникаетъ, такимъ образомъ, такое соотношеніе дѣйствій и движеній, что, уже съ точки зрѣнія интересовъ организующагося или организовавшагося явленія, эти основные и первоначальные процессы природы не всегда могутъ быть цѣлесообразны, въ служебномъ отношеніи, для этого явленія. На этой-то именно почвѣ и возникаетъ уже понятіе о цѣлесообразности, какъ полезности. Вотъ почему, „цѣлесообразность у меня“ и „цѣлесообразность для меня“ не одно и тоже. Возьмемъ для поясненія частный случай. Однажды намъ приходилось наблюдать, какъ въ м. декабрѣ, въ Подольской губ., во время сильной и надолго установившейся оттепели, на солнцепекѣ, въ защищенномъ уголкѣ сада появился мотылекъ, который, разумѣется, и погибъ безвременно для себя. Появленіе мотылька изъ куколки среди зимы, при описанныхъ, нами наблюдавшихся, условіяхъ, вполнѣ цѣлесообразно, съ точки зрѣнія дѣйствія первоначальныхъ основныхъ процессовъ природы; но для бабочки, какъ отдѣльнаго цѣлаго, какъ для организма, въ которомъ —тѣ-же процессы, но въ другой только комбинаціи, дѣйствіе ихъ оказалось роковымъ; значитъ, не цѣлесообразнымъ, въ смыслѣ полезности. Цѣлесообразности, такимъ образомъ, не всегда совпадаютъ, потому что основные первоначальные процессы природы всегда тожественны сами себѣ и прямолинейны, а комбинаціи ихъ, приводящія

къ возникновенію самыхъ разнообразныхъ явленій, безконечно разнообразны. Отсюда, у каждаго явленія свои интересы, хотя основные процессы природы, легшіе въ основу каждаго явленія общіе. Цѣлесообразность основныхъ первоначальныхъ процессовъ природы, т. е., стихійная, закономѣрная, послѣдовательность и преемственность явленій, не всегда превращается въ полезность для каждаго отдѣльнаго цѣлаго явленія въ частности. Но, независимо отъ только что разъясненнаго, надо помнить, что терминъ „цѣлесообразность“ есть понятіе антропоморфическое и потому, въ приложеніи къ естественнымъ явленіямъ, не примѣнимо. Тамъ, въ мірѣ естественныхъ явленій, есть только закономѣрная послѣдовательность и преемственность явленій и процессовъ. Отсюда цѣль научнаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы на конкретныхъ реальныхъ явленіяхъ, данныхъ самой жизнью земли, познавать дѣйствительную географическую природу земныхъ явленій, а въ числѣ ихъ и человѣка. Основная, чистая, цѣль научнаго изслѣдованія заключается въ простомъ индуктирующемъ *) анализѣ всего созданнаго природой. И въ географіи, поэтому, на первомъ планѣ должно стоять, прежде всего, индуктирующее наблюденіе для установленія естественныхъ причинностей, а не раціоналистическое выискиваніе доказательствъ предвзятыхъ, хотя бы и невольно, антропоморфическихъ и антропоцентрическихъ цѣлесообразностей и полезностей.

VII.

Переходя къ географіи человѣка, необходимо помнить, что антропогеографія есть, по существу, не что иное, какъ только отдѣлъ зоогеографіи; и потому географическое мышленіе въ существенномъ должно руководиться

*) „Индуктирующій“ —устанавливающій, мысленно находящій

тѣми же положеніями, что и при изученіи географической жизни вообще міра животнаго.

И въ географіи человѣка мы должны прежде всего наблюдать антропогеографическую жизнь извѣстнаго географическаго мѣста, а не самихъ людей, независимо отъ этого взятыхъ. Въ географіи существенно важно не перечисленіе —„какіе гдѣ народы живутъ и чѣмъ промышляютъ“, а выясненіе, что представляетъ изъ себя данное мѣсто земли, какъ антропологическая среда; какъ исторически и географически сложилась эта среда, наблюдаемаго въ данное время, географическаго мѣста; какъ это антропогеографическое мѣсто участвуетъ въ созданіи своей дальнѣйшей исторіи и исторіи всѣхъ тѣхъ явленій, которыя входятъ въ соприкосновеніе съ этимъ мѣстомъ. Такимъ образомъ, *антропологическая среда*, сложившаяся, какъ и все, въ связи съ опредѣленнымъ мѣстомъ земли, *сама является географическимъ мѣстомъ*. Описывая всѣ такія антропологическія сообщества, географія имѣетъ, такимъ образомъ, дѣло не столько съ людьми, какъ таковыми, сколько съ антропологическими мѣстами земли, какъ они сами собой исторически сложились. Въ результатѣ такого описанія, мы получаемъ представленіе, что такое человѣкъ, какъ земное существо. Это и будетъ чистое географическое представленіе и знаніе. Дѣло не въ томъ, какіе люди есть на земномъ шарѣ, а въ томъ, какими люди историко-географически получились на землѣ; и почему мы, въ силу этого, не можемъ знать и не знаемъ другихъ людей, а только именно такихъ. Если гдѣ, то особенно здѣсь, необходимо твердо помнить то основное положеніе географіи, какъ научнаго знанія, что „естественная географія есть послѣдній моментъ исторіи земли“, что географія, какъ наука, есть такая дисциплина, которая исключительно наблюдаетъ и анализируетъ только уже исторически сложившееся, данное самой жизнью, а не такая которая устанавливала бы, что земныя явленія могутъ быть

и такія и иныя въ силу тѣхъ или иныхъ законовъ; потому что географія, какъ и сама жизнь, не дѣлаетъ опытовъ и не изъ опытовъ устанавливаетъ свои положенія. Географія категорически говоритъ явленія, очевидно, должны быть только такія, а не иныя, потому что здѣсь были только такіе, а не иные формирующіе факторы. Географія, какъ научная дисциплина, есть наука эмпирическая; всѣ ея положенія эмпирическія.

При изученіи человѣка, географическому мышленію существенно необходимо уловить, какъ географія мѣста, понимаемая во всей суммѣ слагающихъ ее факторовъ, отразилась на всемъ вообще складѣ самого существа наблюдаемаго человѣка. Въ эту географію мѣста входитъ, какъ слагающій ее факторъ, и предшествующая, исторически сложившаяся здѣсь, мѣстная антропологическая среда, оказавшая и продолжающая оказывать свое антропологическое вліяніе на не антропологическую природу мѣста и на всѣ прочія явленія, позже въ ней возникающія. Съ этой стороны дѣла, „Европа“, напр., не то же, что „Азія“, и эта послѣдняя не то же, что „Европа“.

Такимъ образомъ, для географическаго мышленія, наблюдающаго исключительно дѣйствительность географическую, такого единства, а равно и различія, въ человѣческомъ родѣ, какое устанавливаетъ антропологія и и прочія, къ ней тяготѣющія, научныя дисциплины, не существуетъ. Точка зрѣнія географическаго мышленія совершенно опредѣленная—это *историческое отношеніе даннаго географическаго мѣста къ исторически сложившемуся на немъ человѣку и историческое отношеніе этого же человѣка къ данному географическому мѣсту.* Отсюда, географъ никогда не скажетъ темнокожіе народы обитаютъ въ тропическихъ странахъ, потому что это будетъ географически не точное утвержденіе; но онъ всегда будетъ говорить въ тропическихъ странахъ сложилось смугло-темное, смугло-черное и, вообще, темнокожее населеніе земнаго шара; а во внѣтропическихъ

странахъ сложилось смугло-желтое, смугло-бѣлое и, вообще, свѣтло-кожее населеніе земли. Точно также географъ не скажетъ—въ восточной Европѣ находится Россія, которую населяютъ, главнымъ образомъ, русскіе; но онъ долженъ будетъ сказать, что въ восточной Европѣ *сложилось русское государство:* что въ восточной Европѣ *выросли и сложились русскіе.* Все это потому, что здѣсь было такое, а не иное, историческое отношеніе мѣста къ человѣку и такая, а не другая, исторически наслѣдственная антропологическая среда, а слѣдовательно, и соотвѣтствующее взаимоотношеніе всѣхъ этихъ вмѣстѣ взятыхъ историко-географическихъ элементовъ и факторовъ, выразившееся въ организаціи Россіи и русскихъ.

Географія, какъ научная дисциплина, не дѣлитъ, подобно антропологіи, людей на расы, но вмѣсто того отмѣчаетъ ту или другую *исторически-наслѣдственную антропологическую помѣсь людей даннаго географическаго мѣста.* Точно также географія не дѣлитъ людей на культурныхъ и некультурныхъ, цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ; но, описывая разныя антропогеографическія сообщества, она опредѣляетъ сперва въ нихъ бытъ слѣды историческаго отношенія къ нимъ мѣста и ихъ къ мѣсту, а затѣмъ уже указываетъ и степень приближенія однихъ антропогеографическихъ сообществъ къ другимъ, родняющую одни человѣческія сообщества съ другими; и только такимъ путемъ географія обозрѣваетъ весь человѣческій родъ.

Географическое изученіе антропогеографическихъ сообществъ должно, такимъ образомъ, проходить не въ горизонтальной плоскости каждаго такого сообщества, а въ вертикальной, -причемъ, нижняя сторона каждой такой плоскости будетъ теряться въ историко-географическомъ прошломъ этого сообщества, а верхняя –будетъ представлять собою состояніе антропогеографическаго сообщества въ наблюдаемое время.

Намъ остается еще рѣшить одинъ вопросъ относительно человѣка; а именно, опредѣлить границы вліянія человѣка на окружающую природу, а также и этой послѣдней на человѣка.

Человѣкъ, какъ видовая часть природы, представляетъ собою частично-видовое выраженіе тѣхъ же самыхъ законовъ, проявленіемъ которыхъ служитъ и вся природа. Поэтому говорить о преодолѣніи человѣкомъ природы и о воздѣйствіяхъ человѣка на природу можно только съ извѣстной оговоркой, а именно, если разсматривать человѣка, какъ отдѣльное, законченное, сформировавшееся явленіе; тогда интересы человѣка, какъ такового явленія, могутъ и не совпадать съ естественнымъ проявленіемъ общихъ законовъ природы; въ такомъ только случаѣ дѣятельность человѣка, какъ отдѣльнаго явленія природы, будетъ носить характеръ самозащиты, борьбы противъ несоотвѣтствующаго его интересамъ проявленія нѣкоторыхъ законовъ природы. Но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ всѣ дѣйствія человѣка будутъ, въ существѣ своемъ, ничѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ и проявленіемъ законовъ все той же природы. Здѣсь, въ такой дѣятельности человѣка, будетъ не устраненіе или преодолѣніе природы, а лишь новое и своеобразное ея видовое проявленіе, въ видѣ данныхъ дѣйствій человѣка и соотвѣтствующихъ этому новыхъ явленій природы.

Но каково бы ни было это многообразіе и своеобразіе въ видовомъ проявленіи природы, все таки дѣйствіе первоначальныхъ общихъ основныхъ законовъ природы всегда останется для человѣка, какъ отдѣльнаго видового ея проявленія, такъ же какъ и для всякаго другого частнаго ея явленія, чѣмъ то непреодолимымъ и неустранимымъ, въ смыслѣ абсолютнаго устраненія. Въ частности, географическія условія жизни являются для человѣка тоже неустранимыми и непреодолимыми; если же кое-что и кажется здѣсь преодолимымъ или устра-

нимымъ, то это именно только кажется. Это устраненіе кой-чего одного и созданіе на мѣсто его кой-чего другого, какъ въ географической обстановкѣ, такъ и въ другихъ условіяхъ жизни, представляетъ собой не абсолютное устраненіе самой природы и ея первоначальныхъ основныхъ законовъ, а лишь одну комбинацію первоначальныхъ основныхъ законовъ и дѣйствій природы вмѣсто другой; причемъ сама эта, такая именно, а не другая, комбинировка является не произвольной, а закономѣрно предопредѣленной, какъ мы говорили выше, естественнымъ порядкомъ и свойствами самаго существа и вещества природы. Хотя за человѣкомъ и остается, какъ видимъ, нѣкоторая возможность активно участвовать въ перегруппировкѣ и возникновеніи однихъ явленій природы вмѣсто другихъ, но эта возможность обусловлена не столько дѣятельностью человѣка, сколько тѣми же самими законами природы, вытекая изъ нихъ свойства проявляться въ разныхъ комбинаціяхъ, разумѣется, въ предѣлахъ опредѣленныхъ границъ. Ясно, что такая дѣятельность человѣка является, по существу дѣла, не болѣе существенной, какъ для общей жизни природы, такъ и для самаго человѣка, чѣмъ дѣятельность, напр., коралловыхъ полиповъ, приводящая къ возникновенію въ моряхъ однихъ явленій вмѣсто другихъ. Сама естественно-историческая жизнь природы земли создала кораллы, создала ихъ такими именно, а не другими, и опредѣлила ихъ дѣятельность тамъ именно, а не въ другомъ мѣстѣ; въ результатѣ является та своеобразная „удивительная дѣятельность коралловъ“, которая представляетъ, съ одной стороны, творческую борьбу коралловъ за свое существованіе съ окружающей ихъ природой, а съ другой —тѣ видоизмѣненія, какія вносятся въ жизнь моря и самой земли этой дѣятельностью коралловъ.

Въ такихъ-же точно условіяхъ находится, по существу, и дѣятельность человѣка. Разница заключается только въ своеобразіи и масштабѣ.

Все вниманіе наше должно быть обращено въ совершенно обратную сторону отъ того, куда обыкновенно обращаютъ его при рѣшеніи вопроса объ отношеніи человѣка къ природѣ и природы къ человѣку. А именно, необходимо сосредоточить наблюденіе на томъ, какимъ видоизмѣненіямъ подвергается само существо человѣка, а въ зависимости отъ этого и его дѣятельность, отъ сосуществованія человѣка съ тоіі или другоіі обстановкоіі природы, въ томъ числѣ и географическоіі, а равно къ возникновенію какихъ явленіій природы приводитъ такое сосуществованіе человѣка. То, что говорится обыкновенно о воздѣйствіи человѣка на природу и о борьбѣ человѣка съ природоіі, есть въ сущности не борьба человѣка съ природоіі и не воздѣйствіе его на природу, а наоборотъ, это есть именно его собственное самоусовершенствованіе и развитіе по приспособленію самого себя къ неподходящимъ для него явленіямъ природы, есть *соотвѣтствующее видоизмѣненіе человѣка подъ тѣмъ или другимъ воздѣйствіемъ природы*; но съ другоіі стороны, или, вѣрнѣе сказать, и вслѣдъ затѣмъ, это есть также и возникновеніе такого рода явленіій природы, которыя получаются только отъ сосуществованія и взаимодѣйствія природы и человѣка, какъ отдѣльнаго и своеобразнаго явленія тоіі же самоіі природы и притомъ явленія опредѣленнаго, сложившагося подъ опредѣленнымъ воздѣйствіемъ природы.

То или другое изобрѣтеніе человѣка по приспособленію его къ окружающеіі обстановкѣ природы ни въ какомъ случаѣ не устраняетъ изъ жизни природы того явленія, отъ котораго человѣкъ постарался оградить себя. Ясно, что отъ культурноіі дѣятельности человѣка не самъ міръ зажилъ иноіі жизнью, а это именно только человѣкъ сталъ жить иначе, чѣмъ жили его предки на этомъ же мѣстѣ, и иначе, чѣмъ то указывала ему только естественная обстановка мѣста. Къ элементамъ и предметамъ, доставляемымъ человѣку самоіі природоіі мѣста, прибави-

лись элементы и предметы, созданные трудомъ и изобрѣтательностью человѣка; обстановка жизни человѣка на мѣстѣ его обитанія стала богаче и разнообразнѣе - вотъ и все, и ничего болѣе. Успѣхи человѣческой культуры никогда не устранятъ изъ жизни природы тѣхъ явленій, противъ которыхъ они направлены. Тѣ способы, при помощи которыхъ человѣкъ научился не страдать отъ холода, не устраняютъ самаго холода.

Такимъ образомъ, все дѣло сводится не къ войнѣ съ природой и не къ противодѣйствію природѣ, а наоборотъ, къ болѣе глубокому и многостороннему раскрытію сокровенныхъ потенціальныхъ, какъ внутреннихъ, собственно человѣческихъ, такъ и внѣшнихъ, но въ томъ и другомъ случаѣ, только природныхъ силъ и явленій. Весь вопросъ заключается только въ томъ, въ какой географической средѣ больше, а въ какой меньше находится благопріятныхъ условій для такого раскрытія и развитія.

Такимъ образомъ, что бы ни было сдѣлано человѣкомъ все это есть дѣло прежде всего той-же самой природы, о которой составилось нелѣпое представленіе, какъ о врагѣ человѣка, вынужденнаго воевать съ ней, той же природы, потому что самъ человѣкъ есть частично-видовое проявленіе той-же природы.

Здѣсь можетъ быть рѣчь только о непосредственномъ проявленіи творчества природы или же косвенномъ, т. е. уже черезъ человѣка. Мы подходимъ, так. образ., къ вопросу о значеніи человѣческой культуры и ея мѣстѣ въ естественно-исторической жизни земли и человѣка.

Наше естественно-историческое мышленіе, зная человѣка только, какъ географическое существо, какъ тварь планеты земли наряду съ прочими ея твореніями, въ тоже время не знаетъ человѣка, который не былъ-бы существомъ именно *человѣчески* культивированнымъ. Дѣйствительно, *человѣкъ есть твореніе собственно человѣческой среды, а не просто и чисто географической.* Мы

не знаемъ людей, выросшихъ внѣ той или иной, но непремѣнно человѣческой культуры и среды. Каждое только что родившееся человѣческое существо, какъ носитъ въ себѣ всю природу своихъ предковъ, такъ и непосредственно попадаетъ въ среду и обстановку извѣстной человѣческой культуры; и, т. обр., и пассивно и активно человѣкъ развивается исключительно въ сферѣ человѣческихъ вліяній. И культура человѣка дѣйствительно очень сильна, какъ въ отношеніи самихъ людей, среди которыхъ она дѣлаетъ такія тонкія и глубокія измѣненія и различія, какихъ сама природа непосредственно не создаетъ, такъ и въ отношеніи окружающей человѣка природной обстановки, измѣняющей подъ вліяніемъ человѣка свой первоначальный обликъ. Культура человѣка— это его вторая, *собственно человѣческая*, природа. Въ результатѣ мы не знаемъ людей, какъ существъ просто естественныхъ, но какъ—уже культивированныхъ, и притомъ *человѣчески* культивированныхъ.

Но географическое мышленіе совершенно опредѣленно видитъ въ этой культурной дѣятельности человѣка, точно такую же дѣятельность по приспособленію себя къ окружающей естественно-географической обстановкѣ для своего развитія и существованія, какую проявляютъ, разумѣется въ соотвѣтствующей степени, и прочія живыя существа земли— животныя и растенія. Мы точно такъ же не знаемъ и прочихъ живыхъ существъ, какъ существъ вполнѣ и просто естественныхъ, а какъ плодъ своей, каждой въ отдѣльности, культуры. Другими словами, мы не знаемъ ни одного живого существа, которое стояло бы внѣ исторіи своихъ предковъ и родителей, а равно и внѣ своей состенной, такъ сказать, личной исторіи. Вѣдь всякое приспособленное и приспособляющееся живое существо есть, строго говоря, уже плодъ своей собственной культуры, а не простое лишь непосредственое твореніе природы. Вѣдь тѣ пчелы и муравьи, которыхъ мы знаемъ, не всегда были такими

и не сразу такими появились на землѣ. А естествоиспытатели могутъ то же сказать и объ остальныхъ живыхъ существахъ земли. Географическое мышленіе, так. обр., видитъ въ человѣческой культурѣ не болѣе, какъ активную дѣятельность человѣка по приспособленію себя къ окружающей его естественно-географической обстановкѣ. Такова принципіальняя точка зрѣнія. Задача же состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить географическія особенности мѣстности, какъ факторы, опредѣляющіе характеръ активной творческой дѣятельности человѣка; опредѣлить, какъ сама природа мѣста накладываетъ свой отпечатокъ на все въ дѣятельности человѣка. Изучить культурную дѣятельность, напримѣръ, русскихъ съ географической точки зрѣнія —это значитъ, опредѣлить, что приходится дѣлать, на что необходимо тратить свою энергію и на чемъ изощрять свою изобрѣтательность русскимъ въ ихъ географической родинѣ—Россіи. Такимъ образомъ, жизнь русскихъ есть, конечно, плодъ ихъ русской культуры, но эта самая культура опредѣляется уже географической русской природой. Другими словами, географія восточной Европы опредѣлила типъ восточноевропейцевъ, а эти послѣдніе создали на своей географической родинѣ, въ числѣ многихъ другихъ, и русскую культуру; точно такъ же, какъ напр., географія Альпъ опредѣлила типъ альпійцевъ, а эти послѣдніе создали, между прочимъ, и швейцарскую культуру. Познать „географическое“ въ жизни и культурѣ людей того или другого географическаго мѣста -это прямая задача чистаго географическаго мышленія при изученіи географіи людей.

Что же касается сравнительной, качественной, оцѣнки плодовъ и успѣховъ человѣческой культуры, то чистое географическое мышленіе допускаетъ ее въ отношеніи самихъ людей лишь для того, чтобы показать степени разныхъ человѣческихъ культуръ и уловить географическія причины высоты однихъ и ниспадающія градаціи другихъ; а въ отношеніи прочихъ живыхъ существъ—для

того, чтобы отмѣтить ея высокую степень по сравненію съ активной дѣятельностью прочихъ живыхъ существъ и тѣмъ подчеркнуть, насколько человѣкъ есть высокоразвитое земное существо въ ряду прочихъ твореній земли. Безотносительная же оцѣнка успѣховъ человѣческой культуры не только выходитъ за предѣлы чистаго географическаго мышленія, но даже и недопустима имъ *).

Дѣйствительно, чисто-географическое знаніе о землѣ и условіяхъ ея жизни убѣждаетъ насъ въ томъ, что все то, что сдѣлалъ уже человѣкъ для себя или можетъ вообще сдѣлать, имѣетъ особенно цѣнное значеніе только для него самого; но въ естественной жизни земли все это не играетъ никакой роли, или, если и играетъ, то не большую, чѣмъ культурные успѣхи пчелъ, муравьевъ и прочихъ существъ земли. Судьбы человѣка и общее направленіе его культуры зависятъ отъ судебъ самой земли и тѣхъ видовъ проявленія общихъ основныхъ законовъ природы, которые управляютъ общей жизнью всей земли, но не наоборотъ. Въ этомъ *соотношеніи* находятся и данныя для оцѣнки безотносительнаго значенія человѣческой культуры въ жизни земли. Ясно, что всѣ плоды культуры человѣка, нисколько не измѣняя естественнаго хода и конечнаго исхода настоящей жизни самой земли, создаютъ только ея своеобразіе, пока эта жизнь протекаетъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе самого человѣка на землѣ.

VIII.

Теперь намъ становится совершенно яснымъ, что изъ школы, послѣ изученія географіи, ученикъ долженъ

*) Въ этомъ отношеніи мысли выраженныя Элизе Реклю въ его сочиненіи „Земля и Человѣкъ“, вып. VI, изд. Поповой, 1896 г. слѣдуетъ считать методологической ошибкой знаменитаго географа-естествоиспытателя.

выйти не съ тѣмъ учебнымъ багажомъ въ своей памяти, сложнымъ и многообразнымъ, изъ котораго состоятъ учебники географіи, а *съ развитымъ географическимъ мышленіемъ*, чтобы потомъ, въ дальнѣйшей своей за-школьной жизни онъ могъ расширять свой умственный кругозоръ ежедневными случайными наблюденіями, тѣхъ элементовъ „естественной географіи“, которые имъ еще не наблюдались и истолковывать ихъ, какъ и тѣ, которые уже ему извѣстны.

Между первой задачей учителя—указаніемъ дѣтямъ „естественной географіи“ и послѣдней цѣлью его преподаванія—развитіемъ географическаго мышленія находится „какъ связующее звено, обусловливающее успѣшное выполненіе первой и достиженіе второй, тотъ сложный и многообразный инвентарь географическихъ знаній, который подъ именемъ „науки“ представляетъ содержаніе учебниковъ по географіи, изученіе которыхъ обязательно въ нашей школѣ такъ же, какъ и учебниковъ по другимъ предметамъ. Отношеніе учителя къ этому и ученому и учебному матеріалу и обращеніе съ нимъ должно быть безусловно самостоятельное и строго методологическое. Но для сего учителю надо, конечно, знать, каково собственно значеніе и цѣнность этого матеріала при изученіи географіи. Въ школьной жизни весь этотъ матеріалъ и называется собственно географіей. Ученики и учителя такъ сжились со всѣмъ этимъ, что первые убѣждены въ томъ, что, проѣдя отъ начала до конца съ вычерками и сокращеніями существующій у нихъ учебникъ по географіи, использовавъ существующія „пособія по географіи“, они познакомились съ географіей; а вторые учителя географіи –часто серьезно озабочены тѣмъ, какъ это видно изъ массы появившихся въ послѣднее время учебниковъ по географіи, чтобы ученики наилучшимъ и для себя и для программы способомъ усвоили эту „географію“, исчерпавъ и запомнивъ содержаніе учебниковъ. Придумывается и

изобрѣтается цѣлый рядъ ухищреній для того, чтобы этотъ ученый и учебный матеріалъ былъ наиболѣе легко для учениковъ усвоенъ послѣдними. Всѣ эти ухищренія въ большемъ или меньшемъ количествѣ попадаютъ въ наши методики географіи, гдѣ о нихъ трактуется, какъ о методахъ преподаванія и изученія географіи. Они въ большинствѣ случаевъ представляютъ серьезное препятствіе для готовящихся въ учителя географія къ пониманію и преподаванію послѣдней. Сбитые съ толку всевозможными методами, молодые учителя, при преподаваніи уже географіи, нарочно не обращаютъ вниманія на эти методы, потому что, правду говоря, и трудно по нимъ толково преподавать; успокоившись на томъ, что такіе методы надо, очевидно, только изучать въ методикѣ географіи, они ведутъ преподаваніе, по пословицѣ—„какъ Богъ на душу положитъ“. Въ результатѣ—учитель часто становится рабомъ существующаго учебника, старается добросовѣстно самъ проштудировать тотъ или другой урокъ по тому же учебнику, дѣлаетъ въ немъ выпуски и сокращенія и, такъ исчерпавъ учебникъ, добирается до конца программы.

Между тѣмъ то, что называется въ нашей школьной жизни „географіей“, есть не что иное, какъ только болѣе или менѣе систематизированное собраніе тѣхъ знаній о землѣ, ея природѣ и явленіяхъ, на ней происходящихъ, которыя уже выработаны отдѣльными и лучшими наблюдателями и изслѣдователями, намъ предшествовавшими. Сами по себѣ взятыя, эти научныя данныя представляютъ собой не что иное, какъ личныя знанія и успѣхи въ географіи того или другого наблюдателя и изслѣдователя, но не самое *географію*. И вслѣдствіе этого, сколько бы мы ни изучали эту „научную географію“, какими бы путями не усваивали эти знанія, мы въ сущности будемъ знакомиться только съ этими послѣдними, т. е., съ представленіемъ и знакомствомъ другихъ о землѣ, а *не съ самой землей, этимъ един-*

ственнымъ и послѣднимъ объектомъ наблюденія и познанія въ географіи. Нашимъ же собственнымъ знаніемъ географіи будутъ служить лишь *наши личныя наблюденія объекта географическаго познанія, земли, и натуральное, географическое, ихъ истолкованіе, сдѣланное нами же;* а въ томъ случаѣ, когда мы фактически не можемъ сами наблюдать, то– будутъ служить *наши собственныя представленія,* вынесенныя нами изъ географическихъ описаній очевидцевъ и критическое пониманіе объясненій, какія сдѣланы очевидцами-наблюдателями. Но все это будетъ возможно лишь при томъ единственномъ условіи, *если у насъ самихъ существуютъ уже географическое чутье и предварительныя общія основныя понятія, добытыя личнымъ опытомъ и развитыя методической дѣятельностью учителя* („общая географія“).

Такимъ образомъ, тѣ географическія знанія, изъ которыхъ складывается все содержаніе нашихъ школьныхъ учебниковъ и которыя обыкновенно разсматриваются, какъ предметъ и цѣль изученія на урокахъ географіи, являются въ сущности для насъ средствомъ для пріобрѣтенія собственнымъ путемъ знаній о тѣхъ явленіяхъ, наблюдателями которыхъ мы быть не можемъ. *Центръ же нашего познанія „естественной географіи“ лежитъ въ насъ самихъ, въ нашей способности наблюденія,* если можемъ наблюдать, и *представленія,* если пользуемся чужими описаніями, и *толкованія* всего добытаго этими путями, но толкованія по существу.

Изъ только что указаннаго значенія учебнаго матеріала въ отношеніи пріобрѣтенія познаній о землѣ каждымъ отдѣльнымъ ученикомъ само собой вытекаетъ и отношеніе учителя географіи къ этому учебному матеріалу, при преподаваніи географіи ученикамъ. Личныя знанія учителя, а затѣмъ уже наблюденія и руководительство при преподаваніи, представляютъ собой такую же сумму знаній по географіи, какую представляетъ любой учебникъ географіи. Для учителя лично—это его

географическія знанія, а для ученика—это такое же средство для собственныхъ наблюденій, представленія и уясненія явленій природы земли, какъ и учебникъ или какое либо другое научное сочиненіе по даннымъ вопросамъ. *Объясненія и руководительство учителя не могутъ поэтому сводиться исключительно къ удобопонятной передачѣ содержанія учебника и къ истолкованію послѣдняго. Учитель и учебникъ*—это два слагаемыя одной суммы—суммы средствъ для самостоятельнаго развитія географическихъ знаній у ученика. Различіе между ними будетъ только то, что учебникъ менѣе эластиченъ, чѣмъ живое слово и дѣйствіе учителя. *Главное достоинство и учебника и дѣятельности учителя заключается въ умѣньи направлять мысль и способность воображенія ученика къ тому явленію природы, о которомъ въ данный моментъ можетъ итти рѣчь*, а не къ чему либо другому, напр., къ изложенію, опыту, машинѣ, картинѣ и т. п. Но съ другой стороны, если учитель плохо знаетъ, а учебникъ плохо излагаетъ, то всѣ ухищренія напрасны. Поэтому учитель не есть дополненіе къ учебнику, а учебникъ къ учителю, но если плохъ учитель, долженъ быть уже хорошъ учебникъ, и если плохъ учебникъ, долженъ быть уже хорошъ учитель.

Рядомъ съ учебникомъ и учителемъ находится еще цѣлый калейдоскопъ разныхъ „пособій по географіи“ въ видѣ инструментовъ, картъ, образцовъ камней, почвъ, растеній, картинъ, этнографическаго матеріала и наблюденій при экскурсіяхъ и т. п. Уже само названіе всего этого „пособіями по географіи“ указываетъ не столько на назначеніе ихъ, сколько на установившуюся точку зрѣнія на нихъ въ нашей школьной жизни. На нихъ смотрятъ, или какъ на средство сдѣлать преподаваніе болѣе убѣдительнымъ, или –болѣе занимательнымъ и наглядным, или какъ на способъ лучшаго закрѣпленія въ памяти учащихся курса. Между тѣмъ, по существу дѣла, значеніе этихъ такъ называемыхъ пособій совсѣмъ обратное установившемуся на нихъ взгляду

и примѣненію. Но чтобы это стало яснымъ, намъ необходимо припомнить, что наши географическія знанія, со стороны своего содержанія, складываются, во первыхъ, *изъ терминовъ, служащихъ для обозначенія такихъ понятій, объекты которыхъ представляютъ дѣйствительно существующіе географическіе элементы, напр. воздухъ, вода, земля, камень, огонь и т. п.*, во-вторыхъ,—*изъ терминовъ, служащихъ для обозначенія такихъ понятій, объекты которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ, но которыя созданы нами, какъ оріентировка въ окружающей насъ природѣ, какъ напр., высота, долгота, широта. параллели, меридіаны, сутки, горизонтъ, востокъ и т. п.*; въ третьихъ, изъ терминовъ, *обозначающихъ разныя средства для познанія географическихъ элементовъ—это всевозможныя географическія и модельныя средства*, какъ напр., карты, картины, картограммы, цифровыя выкладки, глобусы, модели, искусственные образцы и, наконецъ, въ четвертыхъ *изъ терминовъ, обозначающихъ машинныя средства*, каковы всѣ машины, дающія возможность дѣлать искусственныя явленія и опыты. Ясно, что послѣднія двѣ категоріи нашихъ знаній, въ существѣ своемъ, имѣютъ служебное назначеніе къ расширенію и улавливанію матеріала для первыхъ двухъ категоріи знанія; короче говоря, *послѣднія двѣ категоріи знанія съ присоединеніемъ къ нимъ и второй изъ первыхъ двухъ и составляютъ собственно, пособія по географіи*, а наблюденіе объектовъ первой категоріи знанія и истолкованіе ихъ и составляетъ цѣль занятій по географіи.

Между тѣмъ, въ нашей школьной практикѣ не установлено какъ-то на это раздѣльнаго взгляда; вѣдь плоть и кровь нашихъ учебниковъ и составляетъ вся эта терминологія, графологія, систематизація и научная поэзія и проза. И все здѣсь направляется на введеніе дѣтскихъ умовъ въ кругъ и міръ этого познанія, причемъ одни, болѣе простые термины и приспособленія, служатъ для уясненія другихъ, болѣе сложныхъ—а гео-

графическіе элементы играютъ роль не центральную, къ которымъ бы все это сводилось, а роль пособій, или для большей наглядности этихъ уясненій, или для доказательства того или другого взгляда ученаго на извѣстное явленіе (Опредѣленіе странъ горизонта, доказательства шаровидности земли и т. п.). То, что составляетъ суть географіи, называется и служитъ пособіемъ для уясненія или заучиванія того, что само должно служить пособіемъ для изученія географіи.

Таково значеніе и цѣнность, какія имѣетъ, и роль, какую играетъ въ процессѣ развитія у учениковъ географическихъ знаній и географическаго мышленія того учебнаго матеріала, который въ настоящее время изучается подъ именемъ географіи. Очевидно, что учителя и ученики, изучивъ этотъ матеріалъ „по программѣ“, не могутъ сказать, что покончили съ географіей; наоборотъ, *только съ этого момента, строго говоря, и начинается у учениковъ знакомство съ ней, такъ какъ это заложенъ былъ только фундаментъ и даны были только средства для наблюденія и пониманія земныхъ явленій, какъ проявленій ея именно жизни и ея именно природы.* Но все это пріобрѣтетъ настоящее свое значеніе, если пользованіе этимъ матеріаломъ въ школѣ было строго методологическимъ. Только методологическое пользованіе этимъ матеріаломъ въ школѣ при указанномъ выше руководствѣ учителя можетъ дать возможность ученикамъ уловить и понять географическіе элементы, дѣйствительно существующіе въ природѣ, а не разговоры лишь о нихъ въ учебникахъ. При этомъ настаивать, непремѣнно, чтобы учениками былъ усвоенъ весь учебный и ученый багажъ учебника, само собой разумѣется, излишне, потому что, какъ мы видѣли, не въ немъ дѣло; но если учителю удастся достигнуть того, что ученики сумѣютъ понять хотя малую часть географическихъ элементовъ и чрезъ это смогутъ уже самостоятельно судить о другихъ род-

ственныхъ имъ, то и этого уже будетъ достаточно. Но для этого нѣтъ надобности вводить какіе нибудь новые методы или особенныя указанія, хотя несомнѣнно надо отрѣшиться отъ старой постановки вопроса, господствующей и доселѣ въ школѣ, по которой не географія существуетъ для учениковъ, а ученики для географіи; а посему все пускается въ ходъ, чтобы была пройдена программа и чтобы ученики ее именно знали. Необходимо вмѣсто всякихъ методовъ, чтобы учитель самъ хорошо зналъ то географическое явленіе, къ наблюденію котораго онъ въ данный моментъ приводитъ своихъ учениковъ. Не зная его или же не ясно себѣ его представляя, онъ, само собой разумѣется, не сможетъ отмѣтить его въ природѣ и ученикамъ, а если это не будетъ сдѣлано, все уже будетъ излишне и даже вредно; съ другой стороны, если въ учебникѣ то же описаніе факта дано спутанно, то для ученика занятій географіей уже не будетъ существовать: останется только притупляющее долбленіе.

P598

Цѣна 30 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У АВТОРА.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Г. КІЕВА.

3T
P-598